

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 4

Алиева Т.В.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ*

Аннотация. В статье анализируются имплицитные языковые средства выражения концептуальной оппозиции «свой – чужой» как один из эффективных способов непрямого воздействия на адресата в политическом газетном дискурсе. Языковые средства рассматриваются с точки зрения их способности наделять «свои» объекты положительной оценочностью и «чужие» – отрицательной.

Ключевые слова: «свой – чужой», политический дискурс, пресса, имплицитные языковые средства.

Известно, что воздействующая функция является одной из основополагающих функций прессы. Воздействующая функция реализуется практически в любом газетном жанре, в информационном сообщении, аналитической статье, рецензии, фельетоне. Г.Я. Солганик отмечает: «По своей природе публицистика призвана активно вмешиваться в жизнь, формировать общественное мнение» [1, 204]. Причем перед журналистом стоит задача не просто поделиться с читателем своим мнением, выразив оценку определенного явления или события, но и повлиять на его отношение к тому или иному событию / явлению, в результате которого меняются оценочные свойства модели конкретной политической ситуации, имеющейся у адресата. В то же время авторы качественных изданий даже в аналитических статьях, в которых определяющую роль играет аналитический компонент, выражение мнения и оценки, стремятся продемонстрировать непредвзятость, объективный подход к рассмотрению той или иной проблемы, предложить аргументы за и против. И поэтому, учитывая, что для журналиста важно при этом суметь повлиять

на мнение читателя, существенная роль отводится имплицитным средствам выражения, которые, с одной стороны, позволяют скрыть стремление оказать воздействие, с другой же стороны, достичь его максимального эффекта.

Имплицитные языковые средства в публикациях, в которых реализуется оппозиция «свой – чужой», обладают важной особенностью: главной целью статей, в которых задействуется эта оппозиция, является формирование или закрепление стереотипа «рассматриваемый объект (другая страна, нация, партия, политик) – чужой», однако эта цель чаще всего выражается имплицитно. В подобных статьях речь может идти о самых разных частных проблемах или явлениях, однако, т.к. раскрытие темы происходит с опорой на вышеуказанный стереотип, то становится ясно, что в совокупности имплицитные языковые средства направлены на формирование и закрепление этого стереотипа и что на самом деле он играет очень существенную роль. Его не явное, а завуалированное участие в раскрытии темы статьи объясняется желанием автора выглядеть объективным, и поэтому более эффективно воздействовать на адресата. Таким образом, языковые средства отбираются исходя из предпосылки, что основной целью написания статьи является имплицитное формирование стереотипа «данный объект – чужой». Какие же языковые средства используются для достижения этой цели?

Одним из наиболее распространенных приемов, обычно используемых для описания «чужих», является употребление иронических высказываний, имплицитность которых заключается в том, что авторская критика «чужих» сообщается не прямо, а скрыто, с намеком. Иронический эффект создается при помощи разнообразных стилистических средств: метафоры,

* © Алиева Т.В.

гиперболы, аллюзии, разложения фразеологических единиц; часто при помощи конвергенции разных стилистических средств.

Так, например, в статье, посвященной отношению американцев к просьбам банков во время кризиса оказать им финансовую поддержку, не подлежащую отчетности, иронический эффект создается за счет разложения фразеологической единицы:

To be told that this bill would be beyond scrutiny was more than democratic flesh and blood could bear [The Sunday Times, 28.09.08].

Это предложение, на первый взгляд, не содержит лексем с отрицательной оценкой, более того, слово *democratic* в английской концептосфере имеет положительное значение, однако сочетание этой политической идеологемы с идиомой “*more than flesh and blood could bear*” сообщает высказыванию ироничность, которая способствует созданию негативной оценки «чужого» (в данном случае – Америки).

Ироничность часто создается и за счет использования разговорной лексики. Так, статья, где речь идет о том, как некоторые европейские лидеры испытывают большую симпатию к Владимиру Путину, построена на развернутой метафоре «политика – любовные отношения», при раскрытии которой используется разговорная лексика:

Sarko's fallen for Vlad. He's got a crush on the Kremlin chief [The Guardian, 10.10.07].

Употребление разговорной лексики, объединенной темой «любовь», сокращенных имен политических лидеров (*Vlad – Vladimir Putin, Sarko – Nicolas Sarkozy*), также свойственных разговорному стилю, при описании политической ситуации создает ироничность с негативной коннотацией в силу сниженности регистра выбранных языковых средств, способствующего эффекту фамильярности в контексте, предполагающем нейтральное, отстраненное повествование.

Другим распространенным имплицитным языковым средством для выражения концептуальной оппозиции «свой – чужой» является употребление эвфемизмов, направленных на создание положительной характеристики «своих» и дисфемизмов, цель которых – приписать негативную оценку «чужим». Чаще всего эвфемизмы, характеризующие «своих», это своего рода литоты, т.к. основная их цель – оправдать действия «своих» и приуменьшить их негативное значение. Соответственно, дисфемизмы о «чужих», наоборот, направлены на преувеличение негативных действий. Так, в статье под заголовком «*Iran is a threat, but the West can't afford to have*

Israel bomb it – yet» [Daily Telegraph, 12.09.08], в которой речь идет о возможности военного вмешательства Запада в ирано-израильских отношениях, а также упоминается американское военное участие в Ираке, используются следующие эвфемизмы относительно действий «своих» (Запада): *military action, the US-led coalition's efforts to bring stability to Iraq, painful involvement in Iraq, the success of the military surge strategy*. В данных словосочетаниях положительный образ «своих» создается за счет либо лексем почти с нулевой оценочностью (*military action, involvement, military surge strategy*), либо с положительной (*bring stability*), причем положительная оценочность привносится также лексемами с положительным оценочным компонентом, стоящими в препозиции к эвфемизмам (*painful, success*). Через использование таких слов с нейтральной и/или положительной оценочностью реализуется функция воздействия – читатель начинает воспринимать то, что могло бы выглядеть агрессивным вмешательством в политику других государств, как оправданные, последовательные или адекватные действия. Такое восприятие усиливается за счет употребления дисфемизмов о «чужих» (здесь: Ирак и Иран), окрашенных негативно: *launching terror attacks, renewed sectarian violence, the Iranian threat*. В данные словосочетания входят лексем с явно отрицательным оценочным компонентом (*attacks, violence, threat*), содержащие семы «агрессия, опасность, угроза». Они составляют оппозицию эвфемизмам о «своих», тем самым подчеркивая оправданность действий последних. Учитывая, что в статье преимущественно используются стилистически нейтральные языковые средства с большим количеством фактической информации, употребление вышеуказанных эвфемизмов и дисфемизмов работает на создание оценочности оппозиции «свой – чужой».

Еще одним важным языковым средством, служащим для имплицитной передачи сообщения в рамках реализации оппозиции «свой – чужой», является цитация, т.к. именно ссылка на чужие слова позволяет автору, с одной стороны, формально дистанцироваться от оценочной подачи информации и выглядеть беспристрастным, с другой стороны, более эффективно воздействовать на читателя благодаря аргументативному весу цитаты как реальной фактической информации. Так, в статье, призывающей Великобританию занять более жесткую позицию по отношению к России, приводится цитата из доклада Эмнести Интернешнл о регулярных нарушениях прав человека российской милицией:

We should follow up on Amnesty International's report last November which highlighted the systematic use of torture by the Russian police with 'beatings with fists, plastic bottles full of water, books, truncheons and poles' as well as "suffocation, the use of electroshocks and of organised rape" [The Guardian, 23.05.07].

Здесь сила воздействия на адресата заключается не только в собственно цитировании доклада официальной организации, что, безусловно, само по себе представляет собой весомый аргумент, учитывая высокую степень доверия к такого рода информации, но в лексической и синтаксической организации данной цитаты. Несмотря на то, что негативный образ «чужих» формируется, прежде всего, на экстралингвистическом уровне – пытки, тем более такими способами, выглядят неприемлемыми для современного цивилизованного человека, употребление официальной терминологии (*suffocation, beatings with fists, the use of organized rape*) усиливает эффект правдоподобности приведенных фактов, кроме того, многократное перечисление однородных членов предложения (различных видов пыток) подчеркивает степень жестокости и агрессивности «чужих». Таким образом, цитация играет крайне важную роль для имплицитного выражения оппозиции «свой – чужой», позволяя автору уклониться от ответственности за оценочность высказывания, и в то же время лексическая и синтаксическая структура цитаты может оказать сильное воздействие на адресата.

Важную роль в формировании оппозиции «свой – чужой» играют также политические термины. Многие из них несут аксиологический потенциал, причем главным критерием для приписывания им того или иного оценочного знака служит отнесение их к «своим» или «чужим». Маркированность того или иного политического термина как «своего» или «чужого» зависит от экстралингвистических факторов, преимущественно от ценностей и идеологий бытующих в данном обществе или же среди тех, кому адресован текст (например, сторонников какой-либо партии) [2, 114]. Таким образом, использование подобного термина в отношении того или иного явления или объекта сигнализирует адресату, как его воспринимать – как «своего» или «чужого». Так, в английской концептосфере такие слова, как *democracy / democratic, liberal, freedom of speech, human rights* являются маркерами «своего» и несут положительный заряд, а слова *communist / communism, imperial / imperialism, racism, extremism, fundamentalism, dictatorship* маркируют «чужое» и обладают отрицательной оценочнос-

тью. Употребление этих слов позволяет авторам манипулировать восприятием адресата в силу однозначности оценочного знака политических терминов: *Both as the communist republic and as a monarchy before that, Russia was intensely imperial and its possessions abroad were a matter of national pride* [The Guardian, 02.09.07]. В приведенном примере оценка «чужого», в качестве которого здесь выступает Россия, формируется за счет слова “*imperial*” и поясняющей его второй части предложения. Однако следует отметить, что, несмотря на то, что сами политические термины обычно имеют эксплицитный характер в силу ясности присваиваемого им оценочного знака, их имплицитность чаще всего заключается в том, как автор использует эти слова. Так, термин *imperial* стал ярлыком, навешиваемом на Россию («чужой»). Этот термин крайне редко употребляется по отношению к Америке («свой»), которую периодически критикуют за внешнюю политику, которая вполне соответствует понятию “*imperial*”. В этом отношении политические термины схожи с эвфемизмами и служат инструментом для манипуляции восприятия адресатом «чужих» и «своих».

Иностранные слова также относятся к тем языковым средствам, которые участвуют в имплицитном выражении концептуальной оппозиции «свой – чужой», преимущественно в ракурсе национальной идентичности. Роль иностранных слов двойная: во-первых, их употребление способствует дистанцированию «своих» и «чужих», и иностранное слово становится маркером «чужого». Как, например, в заголовках двух статей о французских президентах *Chirac bids adieu* [The Guardian, 12.03.07], *Bon courage, Sarko. You are going to need it* [The Times, 07.05.07], где иностранные слова нейтральны и сами по себе не имеют политического или оценочного подтекста, их употребление указывает – эти люди говорят на иностранном языке, они нам чужие. Использование иностранных слов в тексте, посвященном другой нации, другому государству, которые сами по себе как будто лишены оценочного компонента, направлено на то, чтобы подчеркнуть разрыв между «своими» и «чужими», т.к. язык является одним из факторов, объединяющих общество, маркером «своего» или «чужого».

Роль некоторых иностранных слов состоит в том, чтобы подчеркнуть, что в английской или американской концептосферах понятий, ими обозначаемых, нет в силу отсутствия негативно-го компонента, в них заложенного. Существуют английские эквиваленты *spetsnaz, siloviki* таких слов, однако, обращаясь к иностранным лексе-

мам, автор сообщает о том негативном потенциале, который присущ референтам данных лексем в соответствующей стране (здесь – России): *The advisers, the siloviki, around Mr Putin resemble the Communist party's central committee* [The Guardian, 10.10.07].

Среди имплицитных средств, к которым прибегают авторы для реализации оппозиции «свой – чужой», отмечено частое использование разговорной лексики и разговорных синтаксических структур, как стилистический прием, основанный на чередовании экспрессии и стандарта. Особенно часто к этому приему обращаются для формирования концепта «чужой – это враг», в связи с тем, что употребление языковых средств, свойственных разговорному стилю, призвано не только заострить внимание читателя, но и добавить отрицательной оценочности. Так, широко используются фразовые глаголы, идиомы, сленгизмы:

Vlad the Seducer notches up another conquest. [The Guardian, 10.10.2007].

American-style attitudes also rub the natives up the wrong way [The Observer, 01.04.07].

Часто используются эллиптические обороты, в особенности в вопросительных предложениях. Цель употребления таких структур двойная: в некоторых случаях они направлены (как и в случае с разговорной лексикой) на привлечение внимания и/или наполнение сообщения эмоциональностью, обычно усиливающей отрицательную оценочность:

Dr Bari [the head of the Muslim Council of Britain] said that British judges must be "sensitive to our divine laws on personal relationships and family matters". How sensitive? Up to four wives at once allowed? [Daily Telegraph, 05.07.08].

Кроме того, употребление лексики и синтаксиса, свойственных разговорному стилю, способствует реализации важной прагматической задачи: это позволяет создать эффект неформального общения, которое обычно имеет место между друзьями или знакомыми людьми и предполагает, что его участники разделяют определенный фон знаний и ценностных ориентиров, некий общий взгляд на реальность, который им обоим известен [3, 47-57]. Этот прием дает понять читателю, что он вместе с автором принадлежит к группе «своих», т.е. людей, которые имеют общие взгляды, и поэтому подталкивает читателя согласиться с мнением автора.

Таким образом, использование имплицитных языковых средств играет очень важную роль в формировании оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе, т.к. именно имплицитные

средства позволяют наиболее эффективно реализовывать функцию воздействия. Во-первых, употребление таких средств дает возможность автору претендовать на объективную оценку рассматриваемой проблемы, т.к. читатель не осознает, что он является объектом манипуляторских действий, цель которых – навязать определенную оценку событий. Во-вторых, их использование (в частности политических терминов, иностранных слов, разговорной лексики и синтаксиса), обоснованное отсылкой к общим фоновым знаниям, ценностям, манере общения, формирует группу «своих», в которую включаются автор и читатель, что, в свою очередь, имплицитно воздействует на восприятие последнего. В-третьих, все вышеуказанные языковые средства содержат оценочный компонент, который присваивает положительную оценку «своему» и отрицательную – «чужому», и собственно сила воздействия направлена на формирование аналогичной оценочности в отношении того или иного объекта у адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Солганик Г.Я. Стилистика текста – М.: Флинта: Наука, 2007.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004.
3. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – London, New York, 1991.

T. Alieva

IMPLICIT LANGUAGE MEANS FORMING THE CONCEPTUAL OPPOSITION "SELVES AND OTHERS" IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE UK AND USA PRESS

Abstract. The article is concerned with the implicit language means which are employed to form the conceptual opposition "selves – others" as an effective method of the political discourse to influence a recipient. The article studies how such language means attribute a positive evaluation component to "selves" and a negative one to "others".

Key words: "self – other", political discourse, the press, implicit language means.